

Т.М. Новикова

Деятельность Русской православной церкви в период Гражданской войны (на материалах Восточной Сибири)

Ключевые слова: Гражданская война, православная церковь, епархия, духовенство, белые, большевики.
Key words: Civil war, orthodox church, diocese, clergy, white forces, bolsheviks.

Предшествующие Гражданской войне события Октября 1917 г. кардинально изменили общественно-политическое устройство государства. В основу нового религиозного законодательства был положен принцип секуляризации, а свободу совести вытеснила антирелигиозная пропаганда и атеизм.

В период Гражданской войны происходила эволюция государственно-церковных отношений. В самой Русской православной церкви (РПЦ) шел сложный процесс приспособления к условиям новой действительности, поиск оптимальной модели взаимодействия с гражданскими властями и верующими.

Специфика Восточной Сибири заключается в том, что ее территория в различные периоды Гражданской войны контролировалась как большевиками, так и антибольшевистскими правительствами. В связи с этим государственно-церковные отношения приобретали противоположную направленность. Кроме этого, на заключительном этапе Гражданской войны часть Восточной Сибири (Забайкалье) вошла в состав формально независимой от Москвы Дальневосточной республики (ДВР), существовавшей с апреля 1920 по ноябрь 1922 г. В ней коммунисты под давлением угрозы белогвардейцев и японцев были вынуждены избрать в отношении церкви и верующих более мягкую тактику, которая отличалась от «идеальной» жесткой политики в остальной Сибири.

Декреты советской власти, принятые в конце 1917 – начале 1918 г., лишили Русскую православную церковь (РПЦ) прав собственности на землю, отняли у нее учебные заведения (в том числе профессиональные) и все связанное с ними имущество, аннулировали в глазах государства действенность церковного брака. Изменение условий брака нанесло удар по морали российской семьи. Множество брачных союзов, которые заключались гражданским образом, легко появлялись и исчезали. А введение гражданского брака, наряду с гибелью родителей в Гражданской войне, стало источником огромного количества беспризорных детей в 1920-х гг.

Окончательное отделение церкви от государства и школы от церкви было провозглашено Декретом СНК от 23 января 1918 г. Отныне церковь лишалась прав юридического лица и становилась частной организа-

цией, содержание которой полностью ложилось на плечи верующих.

25 января 1918 г. Поместный собор РПЦ дал декрету следующую оценку: он «представляет собой, под видом закона о свободе совести, злостное покушение на весь строй жизни Православной церкви и акт открытого против нее гонения» [1, с. 42].

В епархиях Восточной Сибири декреты советской власти были восприняты негативно. Так, в конце февраля 1918 г. собор Красноярской епархии по указанию правящего епископа Назария обязал все церкви и верующих вести решительную борьбу против закона советской власти об отделении церкви от государства и школы от церкви.

В Восточной Сибири советская власть приступила к проведению в жизнь декретов и постановлений ВЦИК и СНК в начале января 1918 г. При Комитете советских организаций Восточной Сибири был организован культурно-просветительный отдел (председатель П.Ф. Парняков) для заведования всеми учебно-воспитательными учреждениями в целях проведения мероприятий центральной и местной советской власти. Распоряжением отдела от 10 января 1918 г. отменялось преподавание Закона Божьего во всех учебных заведениях округа с 1 января 1918 г. Законоучителя лишались казенного содержания. Также было сказано, что аттестаты об окончании учебного заведения без отметки по Закону Божию «считаются действительными» [2, л. 13]. Культурно-просветительный отдел постановил организовать специальную комиссию по ликвидации учебных заведений духовного ведомства в составе В.Т. Киприянова, М.Н. Забанова и М.Ф. Парняковой.

В конце января-феврале 1918 г. большевики с помощью вооруженной силы передали духовно-учебные заведения в ведение местных отделов народного образования. Запрещение преподавания Закона Божьего в храмах встретило сопротивление не только духовенства, но и верующих.

Вскоре после начала Гражданской войны руководство РПЦ заявило об аполитичности церкви и священнослужителей. Вопреки этому каждая из противостоящих сторон гражданского конфликта пыталась использовать Церковь в своих идеологических планах. Белые рассчитывали на помощь духовенства в деле мобилизации добровольцев в армию под флагом защиты Отечества и православной веры от большевиков. Красные, всячески подчеркивая единство целей Белой

армии и РПЦ, старались одним ударом покончить с обоими врагами.

Большие усилия большевики предпринимали по дискредитации РПЦ в прессе, настойчиво устанавливая монопольный контроль над периодическими изданиями. Через газеты власти непрерывно формулировали и внедряли тенденциозную и ложную информацию. В газетах Восточной Сибири постоянно выходили материалы с критикой деятельности духовенства не только в регионе, но и на общероссийских примерах. Наиболее перспективными направлениями для «разоблачения» являлись: контрреволюционная деятельность, антисоветская пропаганда, участие в черносотенном и белогвардейском движениях, произвол в расценках за требоисправления, ложная трактовка декретов советской власти.

Пожалуй, самый острый в Восточной Сибири конфликт верующих и большевиков произошел в Чите. В июне 1918 г. большевики потребовали передачи имущества и документации Забайкальской духовной консистории в руки советской власти. Это означало фактическую ликвидацию главного органа епархиального церковного управления.

В ответ епархиальное собрание приняло постановление не отдавать вверенного церковного имущества, зданий консистории и миссионерской церкви. Члены духовной консистории отказались передать дела консистории Совету народного хозяйства и 17 июня 1918 г. подписали документ, где власти народной противопоставлялась власть Священного собора, патриарха и Святейшего Синода. Протоиерей С.П. Старков, священники Н.П. Стрелков, Н.Д. Подгорбунский были заключены в тюрьму.

19 июня 1918 г. по призыву Союза православных приходов был организован крестный ход. С иконами и хоругвями до 500 верующих двинулись к Александровской улице и по ней в сторону тюрьмы [3, л. 118]. В ответ власти выставили цепью команду солдат, с приказом не допустить толпу до тюрьмы. (Позднее большевики утверждали, что команда имела строжайшее приказание действовать словесно, не употребляя оружия, если толпа не нападет сама). Начальник команды потребовал от участников крестного хода разойтись или, как минимум, остановиться, но безрезультатно. Затем команда дала залп вверх, а в толпе началась паника. Далее якобы начались выстрелы со стороны, из разных домов, причем кто их производил, осталось невыясненным. Была убита жительница Читы Баранова [4, с. 73], несколько человек ранено, в том числе жена священника Старкова. Ссылаясь на показания читинских милиционеров Коцюба и Могильникова, большевики настаивали на версии провокационных выстрелов из домов и по толпе, и по солдатам. В разгоне верующих кроме красногвардейцев и чекистов участвовал интернациональный отряд Михаэля (Михали Бодеску) [5, с. 153; 6, с. 37–38].

При изучении документов советской стороны привлекает внимание путаница в трактовках даже современных событий, стремление наклеить расплывчатые ярлыки (например, «подстрекательский, явно черносотенный, погромный характер»), а также психологическая неготовность к чужой самоорганизации.

Иркутские большевики назвали случившееся в Чите «уличными выступлениями толпы верующих, требующих освобождения арестованных священников», произошедшими из-за «не разъяснения верующим со стороны священнослужителей сущности закона об отделении церкви от государства» [7, л. 1].

Забайкальский областной исполнительный комитет объявил все действия советской власти правильными и целесообразными, всех участников подавления и ликвидации контрреволюционного выступления «точно исполнившими свой революционный долг». Для расследования была избрана политическая следственная комиссия [8]. Эта комиссия объявила виновными в событиях «определенную контрреволюционную организацию, пользующуюся каждым случаем для возбуждения населения против Советской власти», а происшествие расценила как «первую попытку свержения местной Советской власти».

Разбирательство о событиях 19 июня завершил суд, перед которым предстало 7 священников и 9 прихожан. В ходе судебного следствия большевики были вынуждены отказаться от утверждений о нахождении белогвардейцев среди участников крестного хода, о провокационных выстрелах из толпы и обстрелах советских отрядов в различных частях города [4, с. 73]. Это, однако, не мешало в исторических исследованиях повторять вымысел о вооруженных белогвардейцах в толпе, провокации в Акуловском переулке, убийстве нескольких мальчуганов» [9, с. 257].

Суд вынес сравнительно мягкий приговор – три месяца лишения свободы протоиерею С. Старкову и священнику Н. Подгорбунскому. Однако с падением в августе 1918 г. советской власти в Забайкалье осужденные были освобождены.

Православное духовенство восточно-сибирских епархий РПЦ повсеместно приветствовало падение советской власти и установление белогвардейского режима летом 1918 г. Это было связано, во-первых, с антирелигиозной и антицерковной политикой, проводившейся большевиками. Во-вторых, Белые власти повсеместно отменили все ограничения, наложенные советской властью на деятельность Церкви. Временное Сибирское правительство в июле 1918 г. аннулировало декреты советской власти. Церквям и монастырям были возвращены конфискованные земли и имущество, в школах возобновилось обязательное преподавание Закона Божьего. Это давало основания православному духовенству надеяться на постепенное восстановление условий для нормальной работы всей церковной структуры.

Деятели Белого движения делали серьезную ставку на священнослужителей в борьбе со своими противниками. Верховный правитель Сибири А.В. Колчак надеялся, что православная церковь поможет ему одержать победу над большевиками. По его мнению, «...политические лозунги, идея Учредительного собрания и неделимой России больше не действуют. Гораздо понятнее борьба за веру...» [10, с. 165]. Эта позиция нашла поддержку у духовенства, оказавшегося на территории, контролируемой правительством А.В. Колчака.

Поскольку епархии, находящиеся на территории, подвластной белым правительствам, лишились связи с патриархом и Синодом, возникла идея о временных высших органах церковного управления. На Всесибирском соборном церковном совещании в Томске в ноябре 1918 г. собрались 13 архиереев и 26 членов Всероссийского поместного собора. Они приняли решение об организации Временного высшего церковного управления (ВВЦУ), которое возглавил архиепископ Омский и Павлодарский Сильвестр (Ольшевский). В состав ВВЦУ вошли архиепископ Симбирский и Сызранский Вениамин, епископ Уфимский Андрей, священники Я.Я. Галахов и В.П. Садовский, профессор Томского университета, доктор церковного права П.А. Прокошев и профессор Казанской духовной академии Л.И. Писарев [11, с. 24]. Окончательно ВВЦУ было оформлено на Сибирском Поместном соборе, состоявшемся в Омске. Собор определил: «Впредь до соединения и восстановления отношений с Патриархом, учреждается временное Высшее Церковное Управление, заседающее в месте резиденции Правительства под председательством местного Епархиального епископа» [12, с. 75].

При создании ВВЦУ предполагалось, что после восстановления связи с патриархом и Синодом ВВЦУ даст отчет о своей деятельности патриарху, после чего прекратит свою работу.

Совет министров правительства Колчака 28 марта 1919 г. признал ВВЦУ временным высшим представительным органом православной церкви и ежемесячно выделял на его нужды 32350 руб. [13, с. 181]. Для руководства ВВЦУ 27 декабря 1918 г. было создано Главное управление по делам вероисповеданий во главе с главноуправляющим П.А. Прокошевым.

Правительство Колчака обязывалось содержать церковь за счет государственных средств. По данным историка И.Д. Эйнгорна, расходы на содержание центральных учреждений церкви составили 1260993 руб., на содержание 4386 причтов Сибири и Дальнего Востока отпускалось 11866300 руб., из них 1612 причтам Сибири – 4406400 руб. По Енисейской и Иркутской епархиям было открыто 505 сельских церковных приходов. Оклады духовенству были увеличены в 2,5 раза. В 1919 г. в Сибири были вновь открыты 5 духовных семинарий и 5 духовных училищ [14, с. 59].

А.В. Колчак считал, что православная церковь, соединенная с режимом «жесткой руки», столь, по его мнению, близкими и созвучными настроениям русского крестьянства, поможет ему стабилизировать ситуацию в Сибири и, в конечном итоге, справиться с большевизмом [10, с. 164–165]. Поэтому он не раз подталкивал ВВЦУ признать его полномочия и в религиозно-церковной области. После сложных переговоров с ВВЦУ П.А. Прокошев добился, чтобы при сохранении фактического руководства этим органом архиепископом Сильвестром церковными иерархами было провозглашено, что «Верховный Правитель Сибири» располагает еще и «Божией благодатью быть одновременно и главой Церкви Русской вне большевистских пределов».

ВВЦУ предпринимало большие усилия по разъяснению опасности большевизма как в России, так и за ее пределами. В начале 1919 г. правительство Колчака удовлетворило просьбу ВВЦУ об организации вагонов-церквей для поездок на фронт с целью агитации солдат и крестьян верой и правдой служить правительству [15, с. 46].

К концу 1918 г. на территории, контролировавшейся А.В. Колчаком, собралось более 3,5 тыс. священнослужителей, в том числе немало военного духовенства. Его в колчаковской армии было примерно две тысячи человек [10, с. 164; 16, с. 191]. Главным священником армии и флота вооруженных сил А.В. Колчака в феврале 1919 г. был избран протоиерей А. Касаткин.

Духовенство регулярно служило молебны о даровании победы белому воинству, были организованы вагоны-церкви для поездок на фронт, введены должности полковых священников, благочинных гарнизонов и дивизий, священников армий. Значительное количество духовенства находилось при госпиталях.

В Забайкалье в связи с временным нарушением нормальных отношений с Омским правительством А.В. Колчака атаман Г.М. Семенов взял на себя формирование структуры военного духовенства. 11 февраля 1919 г. он приказал благочинному Восточно-Сибирской армии священнику А. Жуковичу впредь именоваться Главным священником армии. При нем были учреждены должности секретаря и церковника из солдат. Главному священнику было предоставлено право назначать священников и церковнослужителей в подвижные части армии, начиная с полка. Священники дивизий и корпусов получили права благочинных. Г.М. Семенов предложил А. Жуковичу поддерживать связь с ВВЦУ в Омске и протопресвитером армии и флота. При назначении военных священников из лиц гражданского духовенства главный священник был обязан получать согласие епархиального епископа и его отзыв «о степени соответствия» кандидата «пастьерскому служению в Армии». Кроме этого, главному священнику предоставлялся послужной список кандидата в военные священники [17, л. 16].

Военные неудачи подтолкнули белых к поиску и организации новых форм привлечения населения для борьбы с Красной армией. Ставка была сделана на развитие добровольческого движения под знаменем религиозной борьбы за Отечество и поруганную большевиками православную веру. Создание христианских воинских частей должно было укрепить боевой дух Белой армии и вдохновить ее на борьбу с «большевиками-антихристами».

В начале сентября 1919 г. были учреждены должности начальника добровольческих формирований с соответствующим управлением и пяти региональных уполномоченных со своими управлениями. На должность начальника добровольческих формирований А.В. Колчак назначил генерал-лейтенанта В.В. Голицына. 19 сентября было утверждено «Положение о дружинах Святого Креста». В нем, в частности, говорилось: «§1. Дружина Святого Креста есть воинская добровольная часть (рота, батальон), борющаяся с большевиками как с богоотступниками, за веру и Родину. §2. Каждый вступающий в дружину Святого Креста, кроме обычной присяги, дает перед крестом и Евангелием обет верности Христу и друг другу» [16, с. 191–192]. Таким образом, дружина одновременно представляла собой воинскую часть и религиозное братство. Каждая дружина имела небесного покровителя и братский устав, а все дружины образовывали братство Святого Креста.

Добровольческие дружины сражались в Петропавловской операции, в боях на реках Тобол и Ишим.

В Иркутске была организована 1-я Иркутская дружина Святого Креста. Иркутские «крестonosцы» особо отличились 23 декабря 1919 г. в бою на станции Тайга, ставшем последней попыткой белых остановить наступление Красной армии. Следует особо отметить, что советская пропаганда значительно преувеличивала масштабы религиозного добровольчества.

Деятельность РПЦ и действия красных партизан в сельских районах региона неоднократно пересекалась. Духовенство часто становилось и первыми жертвами партизанских репрессий. В большинстве случаев партизаны жестоко расправлялись с «попами», видя в них пособников белогвардейцев. Известны случаи, когда партизаны налагали на духовенство контрибуцию за сохранение жизни священнику и его семье [18, с. 42].

Сравнительную терпимость проявляли к духовенству партизаны Степного Баджея. Учитывая, что кадры партизан формировались в основном из крестьян, отличавшихся своей религиозностью, партизанское командование сознательно не выдвигало антирелигиозную пропаганду на первый план. Главный упор делался на разоблачение так называемой классовой позиции духовенства, выражавшейся в тесном союзе с зажиточным крестьянством (кулаками), а также против контрреволюционной деятельности священников, их сотрудничества с белыми.

Однако имелись факты действительных компромиссов в этой области. Так, Главный штаб армии Кравченко-Щетинкина обсуждал вопрос об «избрании военного муллы для исполнения религиозных обрядностей товарищей солдат магометанской религии». Предложен был мулла, признанный «по своему образованию и душевным качествам» подходящим для должности военного муллы, на что ему был выдан соответствующий документ [19, с. 209].

В то же время отдельные священники, по данным белых, выступили в роли организаторов партизанских выступлений. Например, в Тасевской волости этим «отличились» священники Орлов и И.А. Вашкорин, произносившие «большевистские проповеди» [20, с. 105].

Кроме духовенства, преследовались также и участники формирования дружин Святого Креста; некоторые из них были расстреляны как враги революции. Газета политического отдела 5-й армии «Красный стрелок» в статье «Шестьдесят один» опубликовала список врагов революции, расстрелянных Иркутской губернской ЧК в 1920 г. [21].

Помимо действий официальной советской власти, духовенству угрожал и «красный бандитизм» – произвол лояльных большевикам слоев населения. Виновные даже в убийствах «красные бандиты» или освобождались от наказания, или получали незначительные тюремные сроки.

Источником содержания православного духовенства восточно-сибирских епархий в годы Гражданской войны служили исключительно добровольные приношения верующих, иногда натурой в качестве платы за требы. Содержание причта характеризовалось как скудное, полуголодное. Для заключенных служителей церкви в приходах проводили добровольный сбор разных продуктов и других необходимых материалов.

Церковные капиталы были аннулированы, а имущество, принадлежащее церквям и причтам, реквизировано. Национализация монастырских имуществ в Восточной Сибири была осуществлена в течение 1920–1921 гг. [22, с. 93].

Одним из наиболее значимых событий церковной политики Советского государства периода Гражданской войны была организованная в конце 1918 г. кампания по вскрытию мощей православных святых. 16 февраля 1919 г. последовало постановление Народного комиссариата юстиции об организованном вскрытии мощей [23, с. 9].

Кампания по вскрытию мощей коснулась Иркутской епархии в начале 1921 г., когда подверглись вскрытию мощи Святителя Иннокентия (Кульчицкого). Вскрытие мощей в 1918–1920 гг. можно рассматривать как своеобразный пролог антирелигиозной кампании 1922–1923 гг., имевшей целью сломить духовное сопротивление и подорвать влияние Церкви на народ.

Библиографический список

1. Васильева, О.Ю. Русская православная церковь и Советская власть в 1917–1927 годах / О.Ю. Васильева // Вопросы истории. – 1993. – №8.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). – Ф. 50. – Оп. 6. – Д. 201.
3. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). – Ф. 300. – Оп. 1. – Д. 507.
4. Василевский, В.И. Забайкальская белая государственность. Краткие очерки истории / В.И. Василевский. – Чита, 2000.
5. Познанский, В.С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. / В.С. Познанский. – Новосибирск, 1973.
6. Василевский, В.И. Первые забайкальские чекисты / В.И. Василевский // Проблемы краеведения. – Чита, 1972. – Вып. 7.
7. ГАИО. – Ф. 485. – Оп. 2. – Д. 8.
8. Советская власть (Чита). – 1918. – 22 июня (№31).
9. Кадейкин, В.А. Рабочие Сибири в борьбе за власть Советов и осуществление первых социалистических преобразований (ноябрь 1917 – август 1918 гг.) / В.А. Кадейкин. – Кемерово, 1966.
10. Алексеев, В.А. Иллюзии и догмы / В.А. Алексеев. – М., 1991.
11. Корзун, М.С. Русская православная церковь, 1917–1945 / М.С. Корзун. – Минск, 1987.
12. Зеленогорский, М.Л. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского) / М.Л. Зеленогорский. – М., 1991.
13. Попов, А.В. Временные высшие церковные управления на территориях, контролируемых белогвардейскими правительствами / А.В. Попов // История белой Сибири. – Кемерово, 2005.
14. Эйнгорн, И.Д. Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937 гг.) / И.Д. Эйнгорн. – Томск, 1982.
15. Звягин, С.П. Русская православная церковь и режим А.В. Колчака: к постановке вопроса / С.П. Звягин // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. – Сыктывкар, 1994.
16. Терехина, Т.А. Духовная связь Белой армии и церкви в годы Гражданской войны / Т.А. Терехина // История белой Сибири. – Кемерово, 2005.
17. Государственный архив Забайкальского края. – Ф. 8. – Оп. 3. – Д. 236.
18. Кривоуцкий, П.Д. Шиткинские партизаны / П.Д. Кривоуцкий. – М.; Иркутск, 1935.
19. Соскин, В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (конец 1917 – начало 1921 гг.) / В.Л. Соскин. – Новосибирск, 1965.
20. Партизанское движение в Сибири. – Т. 1: Приенисейский край. – М.; Л., 1925.
21. Красный стрелок. – 1920. – 16 сент.
22. Зыбковец, В.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.) / В.Ф. Зыбковец. – М., 1975.
23. Гидулянов, П.В. Церковь и государство по законодательству РСФСР / П.В. Гидулянов. – М., 1923.